

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ЧУЖАЯ КРОВЬ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Чужая кровь

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Чужая кровь / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-97019-3

Роте капитана спецназа ГРУ Алексея Ветошкина поручено уничтожить банду эмира по кличке Старший Брат Сатаны. Бандит с богатым уголовным прошлым получил такое прозвище как непревзойденный мастер ножевого боя. Известно, что, зверствуя на захваченных территориях, он не упускает случая продемонстрировать боевые навыки перед безоружными жертвами. Алексей тоже в совершенстве владеет ножом, и потому для него дело чести – сразиться с эмиром в поединке и развеять миф о его непобедимости. Эмир принимает вызов спецназовца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97019-3

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Самаров

Чужая кровь

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Старший лейтенант Ветошкин, специалист по ножевому бою, командир взвода спецназа ГРУ, принял участие в операции ФСБ против иностранной агентуры, занятой уничтожением российских ученых, чья работа связана с деятельностью военно-промышленного комплекса страны. Он вернулся к себе в батальон с повышением в звании и сразу заступил на новую должность, куда его и прочили еще до отъезда, – стал командиром разведроты. И сразу, почти без отдыха, выехал во главе своего подразделения в новую командировку. На сей раз – на Северный Кавказ, чтобы принять участие в поимке кровавого бандитского эмира, который грозно называет себя Старшим братом Сатаны. Этот человек с богатым уголовным прошлым получил свое прозвище в среде преступников, где считался непревзойденным по хитрости и коварству ножевым бойцом. В задачу теперь уже капитана Ветошкина входило не только уничтожение банды, но и публичное развеяние мифа о непревзойденном ножевом бойце с Кавказа, который пытается стать примером для подражания среди своих молодых соплеменников.

Пролог

Домой, в поселок, где располагался городок нашего батальона, я возвращался, как и рассчитывал, под утро, еще до начала рабочего дня, когда утренний туман только-только намеревался развеяться. Не случайно дорога из Москвы была выбрана именно ночная. Я еще раньше, когда ехал в Москву, убедился, что это удобно – движение минимальное. По крайней мере, его не затрудняют многочисленные тихоходные тяжелые фуры, поскольку дальнбойщики на ночь предпочитают собираться и ночевать в определенных местах. Да и остальное движение позволяет ехать на пределе допустимой знаками скорости. Благо мой «китаец» был еще молод и позволял двигаться так, как я хочу. Я ехал без задержек – посты ДПС мной ни разу не заинтересовались. Так я приблизился к «родным пенатам».

Сначала мне навстречу в свете фар попался шестой взвод первой роты, совершавший учебный марш-бросок. Командир взвода, что бежал в противогазе первым, противогаз не снял, но я и так, по крепкой коренастой фигуре, узнал лейтенанта Николаева. Я дважды просигналил и приветственно поднял левую руку, забыв, что на улице еще не рассвело, а свет в салоне машины не включен. Николаев не остановился, не желая сбивать дыхание солдатам. Но голову в мою сторону повернул, хотя, конечно, по машине и не узнал, поскольку раньше видел меня только за рулем «Шевроле-Нивы». Да и стекла противогаза не настолько прозрачны, чтобы видеть сквозь них отчетливо.

Я проехал дальше, не останавливаясь. Притормозил в следующей низинке, где лежал короткий мостик через весенний ручей. Но до самого мостика я не доехал. Навстречу мне бежал другой взвод, без противогазов. Впереди, задавая темп, широкими высокими шагами бежал старший сержант Юханцев.

Это был мой взвод. Я остановился и вышел из машины. Остановился и старший сержант, а за ним и весь взвод. Я не знал, кто командовал взводом в мое отсутствие. Могли Юханцева оставить, могли прислать офицера из резерва бригады, где, как мне говорил командир разведроты капитан Телегин, сидели в ожидании назначения на должность два лейтенанта. Я хотел было спросить своего замкомвзвода, но тут же из-за спин солдат выбежал лейтенант, мне незнакомый, подбежал, за отсутствием на голове головного убора козырять не стал, но лихо щелкнул каблуками берцев, принимая стойку «смирно», и доложил:

– Товарищ капитан, вверенный мне взвод совершает учебный марш-бросок. Командир взвода лейтенант Сидоркин.

– Вчера еще меня называли старлеем... – вяло поправил я Сидоркина.

Он мое недоумение и легкую растерянность уловил, причину сразу понял и объяснил то, чего я, говоря по правде, и ожидал:

– Вчера пришел приказ министра обороны. Выписку из приказа то есть прислали. Майор Васильков стал подполковником, капитан Телегин стал майором, а вы стали капитаном. Подполковник Васильков назначен нашим комбатом, майор Телегин стал вместо него начальником штаба, вас переводят на должность командира разведроты, а меня утвердили, товарищ капитан, на ваше место. Поздравляю, товарищ капитан, с новым званием и с новой должностью...

– Ты меня знаешь, лейтенант? – спросил я немного удивленно, поскольку сам я его не помнил, хотя фамилия запоминающаяся. Да я любые фамилии запоминал так же легко, как номера телефонов. Даже если это были китайские или вьетнамские фамилии, часто неблагозвучные или смешные.

– Солдаты говорили... – признался лейтенант, отчего-то краснея, как девица. – Я услышал...

– Понятно. Продолжайте плановые занятия, – дал я команду и сел за руль...

* * *

Банда вошла в село, которое считалось районным центром, на рассвете, когда в небе были ясно видны только вершины гор, но в долины и ущелья свет еще только начинал проникать. Жители гор хорошо знали, что настоящий рассвет наступит резко и быстро, когда солнце выкатится из-за хребтов и зальет светом окрестности. Рассветы и закаты в горах всегда бывают стремительными, к этому нужно привыкнуть.

Эмир Омахан вошел в село последним, в окружении троих гази¹, которые держали дома на прицеле своих ручных пулеметов. Старший брат Сатаны всегда ходил так. Рядом с ним постоянно находились трое пулеметчиков.

Движения Омахана были медлительными и важными. Традиционный тюрбан на голове, по которому узнавали эмира, медленно колыбался в такт движению. Тюрбан был сделан из натурального шелка цвета чистого золота. Перо пристегивалось к нему настоящей золотой застежкой с крупными драгоценными камнями. Все это как-то не очень вязалось с камуфлированным костюмом и металлокерамическим бронежилетом, обшитым простым черным брезентом. Но это не заботило эмира. Хотя он и предпочитал говорить на аварском языке, как самом распространенном языке Дагестана, все же относительно совместимости деталей костюма предпочитал использовать русскую жаргонную фразу, которая, как ему казалось, была к месту в любой ситуации: «Меня это не «колышит».

Тюрбан в подарок Старшему брату Сатаны привез один из его моджахедов, прибывший из Ирака. Он забрал тюрбан из музея одного древнего города. Все брали себе что-то на сувениры или для последующей продажи. Взял и он. Раньше, как говорил моджахеду смотритель музея, тюрбан принадлежал самому султану Салах-ад-Дину², представителю курдской династии, правившей практически всем мусульманским миром своего времени. А когда смотритель хотел помешать моджахеду забрать тюрбан, без уговоров и угроз получил короткую автоматную очередь в грудь. Так отмахиваются от мухи, когда она надоест. Возражений от других сотрудников музея не последовало. Они не желали походить на мух.

И вот уже почти полгода как тюрбан украшал голову эмира Омахана. Он не посягал на лавры султана Саллах-ад-Дина, он брал выше – называл себя Старшим братом Сатаны. И не забывал при этом добавлять, что старший брат для младшего всегда является учителем. Это подразумевало, что для людей он страшнее Сатаны.

Многие из местных жителей не принимали само понятие «сатана»³, считая его сугубо христианским и чуждым. Но так называли Омахана давно, еще когда он в очередной раз отбывал срок на «зоне», и не на родном Кавказе, а в Сибири. Ему кличка понравилась, и он продолжал ее использовать даже годы спустя, считая, что Сатана должен быть страшен всем, невзирая на вероисповедание. Как и его старший брат...

* * *

Сначала я, естественно, заехал домой. Жена только-только отправила дочерей в школу и на радостях так быстро приготовила мне завтрак, что я даже начал подозревать, что она по мне

¹ Гази – участник джихада, часто употребляется как обозначение ближайших и верных помощников эмира.

² Салах-ад-дин (Салладин) – султан, победивший армию объединенной Европы (крестоносцев), но разрешивший все-таки христианам построить в районе Иерусалима христианские храмы и создать Иерусалимское королевство, официально подчиненное арабам.

³ Слово «шайтан», употребляемое в мусульманском мире, является только производным от древнесемитского «сатан» – противник. Таким образом, и понятие Сатаны исламу тоже не чуждо.

соскучилась. Позавтракав, я прицепил к камуфлированному костюму погоны, носить которые за несколько дней не отвык, и отправился в батальон с докладом.

Адъютант в приемной сменился, как и сам комбат. Прежний, как я подозревал, на пенсию вместе с подполковником Рыковым не вышел, но был куда-то отправлен для прохождения дальнейшей службы. Я за свою армейскую, недолгую еще жизнь ни разу не видел, чтобы адъютанты проходили тренировочные занятия вместе с другими офицерами, и потому никогда не понимал, где они могут служить в дальнейшем, поскольку спецназовцы из них получиться не могут просто по воспитанному службой характеру. Скорее всего, их отправляют в другие войска. Новый адъютант меня знал, хотя я не знал его. Еще весной у нас пришло много новых лейтенантов, которых пристраивали куда только возможно, особенно в штабе, и со всеми познакомиться у меня возможности не было.

– Минутку, товарищ капитан, – сказал новый лейтенант, – я доложу комбату. У него сейчас начальник шифровального отделения.

И постучал в дверь кабинета. Меня он назвал капитаном, хотя видел на мне погоны старшего лейтенанта. Значит, тоже был в курсе моего повышения в звании и в должности. Я не удивился. Адъютанты всегда и все узнают раньше других – это уже традиция.

Сквозь неплотно прикрытую дверь я слышал доклад адъютанта и усталый, словно о чем-то сожалеющий голос подполковника Василькова:

– Приглашай...

Я «пригласился» сам, не дожидаясь действий лейтенанта. При моем появлении Александр Васильевич встал из-за стола, привычно мягкий, но при этом еще и по-комбатовски суровый. Комбаты все почему-то стремятся выглядеть суровыми. Это я еще в училище заметил. Даже комбаты учебных батальонов. Должность, что ли, обязывает?..

Справа от Василькова стоял капитан Слонов, начальник шифровального отделения. В руке он держал традиционную свою папочку с замком-«молнией». Папочка была из искусственной крокодильей кожи и давно уже потрескалась, но капитан, привыкнув к вещи, не менял ее и разносил по отделам шифротелеграммы только в ней. Без этой папочки уже самого Слонова и представить было трудно.

– Как ты вовремя и как не вовремя шифротелеграмма относительно тебя! – загадочно сообщил подполковник Васильков. Он и в самом деле выглядел сильно уставшим. Вообще-то Александр Васильевич всегда отличался щепетильностью во всех делах. Я отсутствовал четверо суток. Надеюсь, не все это время Васильков принимал дела у прежнего комбата подполковника Рыкова и сдавал свои дела начальника штаба батальона капитану Телегину. Ну, с Телегиным-то еще можно было бы повременить. Как-никак они оба оставались в батальоне, и времени для передачи дел у них было достаточно.

С Рыковым было сложнее. Прежнего комбата нужно было отправить на пенсию, следовательно, он уезжал сначала в Москву для оформления документов, а потом к новому месту жительства. Вот с ним требовалось завершить срочно. А дел в батальоне уйма. Все требуется пересчитать, сверить, записать и передать под роспись. От таких забот будут уставшими глаза...

Но меня больше, чем глаза подполковника, заинтересовала его непонятная фраза, как вовремя я появился и как не вовремя пришла относительно меня шифротелеграмма. Фраза интриговала. Но я не стал переспрашивать, поскольку явился с уставным докладом о прибытии. Доложил. Васильков пожал мне руку, а следом за ним то же самое сделал и капитан Слонов.

– Приказ министра обороны тебе уже известен? – спросил комбат.

– Так точно. В общих чертах...

– И приказ командира бригады о назначении тебя командиром разведроты уже подписан и утвержден в Москве. Значит, с тебя банкет...

– Не заржавеет... – опрометчиво пообещал я.

– Может... – с сомнением в голосе сообщил Васильков, взял со стола шифротелеграмму и переложил лист на столе так, чтобы я мог прочитать: – Присядь, прочитай. Срочное дело...

* * *

Дорога вела к центру села. Эмир вышагивал по ней неторопливо и важно. Но ему не требовалось добираться сразу до площади перед зданием районной управы. Старший брат Сатаны знал, куда шел. Он видел, что его ждут возле одной из калиток. Там два моджахеда, заломив человеку руки за спину, поставили его на колени, а третий упер ему в затылок ствол автомата.

Человек был в военном мундире с погонами подполковника, лицо, повернутое в сторону эмира, было испачкано маслом и наполовину сырым, чуть-чуть поджаренным яйцом.

Старший брат Сатаны остановился, заглянул человеку в лицо.

– Кто это? – спросил, глянув на погоны подполковника.

– Большой начальник большой пожарной охраны района, – со смехом сказал тот, что упер ствол автомата подполковнику в затылок.

– А зачем он мне нужен? Что с ним возиться! Оставить здесь, – решил эмир судьбу пленного, и короткая автоматная очередь развалила подполковнику голову на части. За забором, в застекленной веранде, истошно заголосила женщина. Человек с автоматом повернулся и дал очередь прямо сквозь стекло. Женский голос затих, стал слышен плач детей. Следующие несколько очередей пробили стену веранды, сколоченную из тонких досок. Детский плач тоже прекратился.

Омахан не стал разбираться и двинулся дальше. С дальнего края села слышалась активная стрельба. Несколько раз выстрелил подствольный гранатомет.

– Что там так долго возятся? – недовольно проворчал Омахан. – Давно пора было бы завершить...

– Завершают, похоже, эмир, – прислушавшись, сказал один гази с пулеметом. – Гранатометом, видно, добились. Там и ментов-то оставалось три человека. Только они знали, что с ними будет, если их захватят, и потому дрались до конца. Сейчас здание подожгут и двинутся дальше...

– Уже подожгли, – сообщил второй гази, идущий чуть в стороне и имеющий больший обзор. – Столб дыма поднимается.

Стрельба слышалась уже с разных концов села.

– Здесь что, много людей, готовых оказать сопротивление? – важно, с удивлением спросил эмир.

– Всегда есть люди, неготовые подчиниться, – сказал третий гази, и в голосе его чувствовалась печаль.

– Пожарную охрану поджечь, потом поджечь все село. Со всех концов.

– Скоро зима, эмир, – напомнил третий гази.

– Тем более. Другие будут встречать нас лучше. Что там с ментами? Позвони!

Третий гази вытащил трубку сотового телефона и остановился, чтобы позвонить. Второй в это время подозвал к себе того моджахеда, что расстреливал начальника пожарной охраны, и передал ему приказание о поджоге. Моджахед радостно завращал вытаращенными глазами, позвал двоих помощников и побежал выполнять.

Когда Старший брат Сатаны со своим пулеметным сопровождением подошел к районной управе, село уже горело с нескольких сторон. В центре полыхало двухэтажное здание пожарной охраны, которое можно было определить по трем воротам с большими высокими створками. Такие ворота делают для крупногабаритных пожарных машин.

Внутри здания перед этим слышалось несколько автоматных очередей, и потому пожарные машины из ворот никто не вывел. Хотя калитки в воротах распахнули, чтобы создать сквозняк и образовать тягу. На сквозняке, когда ветер врывается в дверные проемы, здание горит лучше и быстрее.

Старший брат Сатаны только несколько секунд понаблюдал за тем, как горит здание пожарной охраны, это ему быстро наскучило, и он так же важно и неторопливо двинулся через площадь к скверу, за которым располагалось здание районной управы. Перед этим зданием он объявил сбор своего джамаата после того, как каждая группа выполнит данное эмиром задание. Там уже собралось несколько групп. Все моджахеды были в черных масках. Показывать свои лица жителям села разрешалось только самому Омахану и его гази.

Перед сквериком, где до сих пор стоял памятник Ленину, двое моджахедов держали на коленях, придавив к земле, высокого человека в ментовском мундире с погонями майора.

– Это и есть тот самый начальник районной полиции? – спросил Старший брат Сатаны.

– Это, эмир, один из его заместителей. Начальника в селе нет. В город на три дня уехал с женой и детьми. Только через два дня вернется.

– Мы его ждать не будем. У нас нет времени на ожидание. Эй ты, заместитель! – позвал эмир.

Майор поднял лысую голову, посмотрел на бандита озлобленно, без страха, с неприкрытой ненавистью в глазах. Он знал, что ему все равно конец. Надеялся на смерть без мук, рассчитывал, что его просто пристрелят.

– Что тебе, сволочь, надо?

– Спросить надумал. Ты жить-то хочешь?

– После того как тебя убью, может быть, и захочется. А пока мне плевать...

– Ага... Вот я это тебе и предлагаю!

– Что? – не понял мент. – Что ты мне предлагаешь? Плевать на тебя?..

– Попробуй меня убить, дурак. Если получится, тебя отпустят. Это мое слово. Освободите его. И связывать не надо, – добавил Старший брат Сатаны, увидев веревку в руках одного из моджахедов.

Майора отпустили. Он выпрямился, размял вывернутые кисти. Только сейчас майор задумался о том, как часто он сам, бывало, когда служил сержантом в городе, выворачивал людям руки даже тогда, когда этого не требовалось, но он при этом чувствовал собственную силу и власть. Наверное, те люди тоже испытывали боль, но он тогда об этом не думал. Его просто не учили об этом думать.

– Дайте ему нож! – приказал эмир.

Майор с удивлением поднял брови. Он не мог понять, что от него хотят и что с ним хотят сделать. Нож – это оружие, хотя и бесполезное против автоматов. Тем не менее, если нож предлагают, это какой-никакой шанс. Когда вообще нет никаких шансов на жизнь, даже нож в руке кажется спасением. Но было еще и какое-то предложение. Только мент не понял точно какое, но рассчитывал, что вот-вот все прояснится.

На площади было много людей. И моджахедов, и местных жителей, которые притихли, понимая, что сейчас будет что-то серьезное. Их специально пригнали сюда, чтобы эмир мог устроить свой цирк при зрителях. Омахан, считая себя от природы добрым человеком, любил, когда люди развлекаются.

Один из моджахедов протянул майору свой нож, придерживая его за лезвие. Мент схватился за рукоятку, как утопающий хватается за соломинку. Даже к себе прижал, словно не верил, что ему доверяют оружие. И посмотрел, не обманывают ли его, даже острие пальцем попробовал. Нет, нож был настоящий. И лезвие было хорошо заточено. Бандит для себя старался, затачивал, чтобы людям головы отрезать. А теперь нож оказался в руках ментовского майора.

Это было как праздник!

– Я тебя на бой вызываю. На ножах! – громко, чтобы слышали все, объявил Омахан. – И категорично заявляю всем своим моджахедам, что майор, если убьет меня, может быть свободен, и никто не должен препятствовать ему уйти. Пусть уходит, куда хочет из села. Только здесь пусть ни во что не лезет. Если вмешается, его пристрелят. Выходи, мент, на середину круга.

Оторопевший майор не понимал, во что ему стоит верить. Но оружие было у него в руке. Спортивную подготовку майор некогда имел и даже был когда-то кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе. И по фигуре он был подтянут, жилист и, очевидно, силен.

Он нерешительно вышел на середину площадки, опасаясь, что это розыгрыш, подвох и сейчас случится что-то страшное. Например, раздастся автоматная очередь в спину. Но и это, на взгляд майора, был путь к спасению от мук и унижений. Быстрая и легкая смерть. Бронежилета на нем не было, и пули, разорвав тело, за доли секунды лишили бы его жизни. Однако, когда на весы ставят жизнь против смерти, жить хочется особенно сильно. Смерть тем и страшна, что после нее уже не будет жизни. А вот к живому смерть все равно когда-то придет. Стоит только потерпеть и дожждаться ее.

До майора полиции, кажется, только-только дошли слова эмира Омахана о том, что у него есть возможность выжить. И жить после этого захотелось очень сильно. Он не знал, что произошло с его домом, с его семьей. Он сейчас не думал ни о жене, ни о детях. Ему хотелось только жить. Но чтобы жить, необходимо убить эмира.

Майор уже много раз слышал, что Старший брат Сатаны еще в молодости, на «зоне», на протяжении нескольких лет брал уроки ножевого боя у какого-то старика-уголовника. И в конце концов намного превзошел своего учителя. Настолько превзошел, что тот не желал больше с ним драться. После этого Старший брат Сатаны везде искал себе учителей ножевого боя в надежде, что они смогут показать ему что-то новое.

Но жизнь каждого нового учителя заканчивалась тогда, когда он начинал проводить с учеником схватку на боевых ножах. Эмир Омахан убивал учителя, разочаровавшись в нем. Когда очень хочется жить, в руках неизвестно откуда появляется неведомая сила. Казалось бы, что проще – ударить ножом другого человека, таким же ножом вооруженного. Все кажется возможным и реальным. И майор полиции сжал рукоятку ножа, сделанную из спрессованных поперечных полосок бересты.

Майор полиции очень хотел жить. И даже больше, чем раньше, когда о возможной смерти и не думалось. Но другой возможности выжить у него не было. Нужно было драться! Нужно было победить, чтобы жить...

Он внутренне себя подбодрил и согласился на схватку, сразу забыв, что Старший брат Сатаны считается непобедимым в ножевом бою. Непобедимых тоже иногда убивают! Откуда-то выплыла некогда прочитанная мысль, что лучшего в мире фехтовальщика не сможет победить второй по силе фехтовальщик мира. Но новичок, впервые взявший в руки шпагу, способен на нелепый удар или укол, который как раз за счет своей нелепости и может оказаться для лучшего фехтовальщика мира роковым.

Эмир Омахан готовился неторопливо, несуетливо, так же важно, как до этого вышагивал к площади. Он аккуратно снял с головы тюрбан с павлиньим пером, бережно передал в руки гази, погладил рукой свою аккуратно выбритую голову, снял и бросил под ноги другому гази бронежилет, который тот сразу же с уважением поднял и стряхнул с него дорожную пыль.

Повинуясь взмаху руки эмира, моджахеда расступились, образовав неплотный круг. За их спинами стояли притихшие местные жители. Их по приказу Омахана выгнали из домов, даже не позволив тушить пожар, и под стволами автоматов заставили стоять на площади. Это делалось специально, чтобы люди потом рассказывали другим о благородстве и непобедимости Омахана.

Старший брат Сатаны хорошо знал человеческую психологию, знал ее еще по своему уголовному прошлому, когда часто использовал различные психологические приемы и понимал, что будут говорить о нем люди. И еще он сильно увлекался эзотерикой, которая однозначно утверждала, что, если о человеке говорят окружающие, что он великий, он в действительности становится великим. По мысли самого Старшего брата Сатаны, он сделал прекрасную карьеру, превратившись из простого уголовника, даже не авторитета, в известного человека, эмира Омахана. Это было несравненно больше, чем то, на что он рассчитывал в молодости.

Бойцы встали друг против друга.

– Тебе сколько лет, майор? – спросил эмир, посмеиваясь почти добродушно.

– Тридцать три, – ответил мент.

– Значит, почти ровесники. По крайней мере, одно поколение. Я всего на три года старше. А годы на «зоне», они у всех по-разному проходят. Кто-то там быстро стареет, кто-то, наоборот, молодеет. Я вот там помолодел. И сейчас считаю себя моложе тебя. Во мне нет твоей солидности. Я проще живу...

Эмир лукавил. Он всегда стремился выглядеть солидно. Особенно перед своими моджахедами. И любил власть, наверное, еще больше, чем этот майор. Жизнь в горах не вырабатывает в человеке склонность к накопительству жира. И Омахан был жилистым и жестким как внешне, так и внутренне. А майор был по своей конституции человеком худощавым. Таким образом, оба противника были внешне слегка схожи. Разве что мент был на полголовы выше и имел более длинные руки. Но неизвестно еще, чьи руки были сильнее. При этом в ножевом бою все решает даже не сила, а быстрота, и не столько быстрота удара, хотя это тоже важный фактор, сколько быстрота соображения и умение как можно быстрее воплотить в жизнь свои решения. То есть то, что называется реакцией.

– Правила классические, – заявил эмир, который сам здесь правила и устанавливал. – Знаком с классическими правилами ножевого боя?

При этом эмир знал, что общепринятых правил не существует.

– Никогда этим не интересовался, – честно ответил майор.

– И зря. Потому полицию у нас и режут, как свиней, – эмир умышленно допустил самое обидное для мусульманина сравнение, – что они ничему учиться не хотят. Только и умеют, что пьяных бить и взятки брать...

– Я ни разу в жизни не брал взятку, – твердо сказал майор, и было видно, что говорит он честно. – Я боролся со взяточниками, в том числе и в рядах полиции.

– Это хорошо, майор. Это хорошо... Считай, что ты достойно жизнь прожил и умрешь тоже достойно.

– А если не умру? – Майор хотел еще раз услышать подтверждение, что он останется жить, если убьет эмира. – Или меня все равно убьют?

– Я уже сказал свое слово. А мое слово для моих моджахедов более весомо, чем для мента – закон. И повторять я не буду. Итак, о правилах боя. У каждого из бойцов по одному ножу и больше нет никакого оружия. Бронежилеты и любая другая защита запрещены. Запрещены даже перчатки. Так меня учили когда-то. Ножом удары наносятся в любую часть тела, кроме паха. Удары могут быть и колющими, и режущими. Но у человека, кроме руки с ножом, есть еще вторая рука, есть еще две ноги. Их тоже можно задействовать. Бить рукой и ногами куда угодно, опять же кроме паха. Мужчина мужчину может бить в пах только в крайнем случае. А крайний случай – это когда у тебя в руке нет ножа. Вот и все правила. Они просты и не требуют дополнительных комментариев. Ты все понял, майор?

– Я все понял, эмир... Вопрос только один. Если рука с ножом повреждена, можно перехватывать нож в другую руку?

– Если умеешь и если думаешь, что тебя это спасет, – пожалуйста.

– Тогда – все. Не будем тянуть время. Я быстро устаю от болтовни...

– Тебе не терпится расстаться с жизнью? Похвальное желание... – Старший брат Сатаны любовался своим поведением, которое считал красивым. И это чувствовалось в каждом его слове. Он искренне не понимал, как кто-то может считать его слова болтовней. Что ж, если человек торопится расстаться с жизнью, Омахан готов ему в этом помочь.

Эмир самодовольно улыбнулся, сам при этом считая свою улыбку доброй и даже обаятельной, поднял руку с ножом и шагнул вперед. Он, как всегда, пользовался редким нижним хватом, иногда называемым «обратным хватом», когда острое смотрит из сжатого кулака вниз, а острая кромка лезвия – вперед.

Обычно обратный хват считается удобным для нападения сзади и нанесения колющих ударов сверху. Это отчасти правильно. Подобные действия и подобные удары лучше всего наносить при нижнем, то есть обратном, хвате. Но сам обратный хват позволяет наносить еще и множество других ударов, об эффективности которых многие просто не подозревают. Любому боксеру, например, умеет бить апперкот – удар снизу. А если при проведении такого удара под определенным углом повернуть лезвие, тогда вместе с ударом можно вспороть противнику живот от пояса до самого горла. Да и удар кулаком в лицо, когда он умышленно неточный, просто рассекает само лицо.

Таким хватом необходимо уметь пользоваться, а это дано не многим. Следует тренироваться и тренироваться, чтобы добиться результата. Старший брат Сатаны тренировался ежедневно на протяжении многих лет, в последнее время со своими гази, которые в мастерстве ему, естественно, уступали, но которых он упорно обучал. Теперь, в настоящей схватке, Омахан только пожинал плоды...

Схватка на ножах с человеком, который не имеет понятия, что такое настоящий ножевой бой, казалась самому Омахану легкой игрой. Но игра эта была рассчитана на зрителей. И именно для этого он приказал сгонять на зрелище местных жителей. Сначала женщины ругались и плакали, прижимали к себе детей. Хмуро смотрели старики, которых раньше все уважали, а теперь толкают прикладами в шею. И все они, местные жители, в глубине души надеются, что ментовский майор сумеет убить Старшего брата Сатаны. А он только посмеивается в бороду, зная, чем все кончится.

Майор встал сразу неправильно. Он слишком сильно присел, держа нож перед собой. Эмир Омахан, сам в молодости бывший неплохим борцом, определил стойку борца. Но не стойку «ножевика», то есть специалиста по ножевому бою. При первом сближении мент, выбравший прямой фехтовальный хват, то есть хват, при котором большой палец ложится на основание лезвия, сделал два довольно резких крестообразных маха оружием, словно хотел начертить на груди эмира крест. Но здесь и защиты особой не требовалось. Нужно только сделать один быстрый шаг назад и второй шаг уже в сторону.

Так противник оказался стоящим к эмиру боком. Можно было делать с ним что угодно: можно было лишить его руки или головы, можно было вспороть ему бок легким касательным движением. Но тогда бы все закончилось очень быстро, и никто не сумел бы насладиться настоящим искусством, которое желал продемонстрировать эмир Омахан. И потому он, отступив, не пошел в обратную сторону, то есть избежал сближения, хотя для него никакой опасности в этом случае не было. Эмир находился слева от майора, а тот держал нож в правой руке, и, чтобы дотянуться до противника своим оружием, майору требовалось развернуться на девяносто градусов, что он сделать из-за инерционного движения своего тела вперед, конечно же, сразу не мог. Такой разворот по силам разве что хорошо тренированному акробату, привыкшему вертеться в разных плоскостях одновременно.

Сам мент, похоже, опасности своего положения не ощутил и не понял, что эмиру ничего не стоит сделать только шаг и сзади подставить свой нож к его горлу, и думал только о том, что он едва-едва не достал ножом эмира, самую малость не хватило. И вдохновился, судя по движениям его тела, на новые такие же безрассудные «подвиги». Посчитал, что в одной из

следующих атак обязательно Омахана достанет. Просто майор не понял еще, насколько тонко эмир умеет чувствовать дистанцию и не отскакивает далеко, когда противник не может его достать. Это чувство дистанции всегда позволяло Старшему брату Сатаны иметь возможность вовремя начинать контратаку для нанесения решающего удара.

– Эмир, – сказал один из гази, – тут местный мальчишка на трубку все снимает. Отрезать ему голову?

– Пусть снимает. Это нам реклама будет...

Пара противников снова начала кружить один вокруг другого. Мент в странной для ножевого бойца стойке борца, эмир – в более высокой и прямой стойке. Мент был весь как пружина, как кошка, готовая к прыжку, Омахан казался расслабленным и спокойным. Он даже дышал спокойно, поскольку еще не совершил ни одной атаки. А дыхание может сбиться как раз во время атаки, что и произошло с ментовским майором, который уже дышал заметно неровно. Наверное, он был еще и заядлым курильщиком, тогда как Старший брат Сатаны не курил вообще никогда. Даже в своем уголовном прошлом, когда все практически вокруг него курили, он предпочитал держать свои легкие в чистоте.

– Долго так скакать по кругу будем? – спросил мент.

– Недолго, – ответил эмир, сделал короткий шаг вперед и ударил левой, свободной рукой майора в лицо, пальцы при этом держал растопыренными, и понял, что своего достиг. Один палец попал майору в глаз, и тот откинулся всем телом, отпрыгнул, чтобы проморгаться. Моргает человек в таком положении всегда двумя глазами. А когда моргает, видит хуже и видит не все – с закрытыми глазами много не увидишь.

Возможно, именно в этот момент майор понял, что «попал». И что все его надежды на жизнь рушатся.

– Это нечестно! – неожиданно визгливо воскликнул он. – Ты ткнул пальцем в глаз...

– Я перечислял тебе правила. И там ничего про глаза не говорилось. В спортивных боях в глаза не бьют, потому что там используются маски – пальцы сломаешь. А в реальном бою это допустимо. Если хочешь, попробуй сам.

Мент тут же решил попробовать. Он сделал большущий мах ножом. Настолько большущий, что Омахану сразу стало понятно, что таким ударом можно только внимание отвлекать от настоящих, главных действий. И тут же майор неожиданно резко сблизился и попытался ударить по глазам эмира растопыренными пальцами. И при этом не видел, что бьет уже не в лицо, не в глаза, а в предплечье, прикрытое острым лезвием ножа.

Брызнула кровь, хотя на пальцах не так много кровеносных сосудов. Старший брат Сатаны понял, что майор боится, волнуется, и потому у него поднялось давление, кровь бежит по телу намного быстрее обычного, и потому ее так много. Но для обреченного на смерть это уже не имело значения, как не имело значения и то, что кровь с руки майора брызнула в глаза эмира Омахана и он на короткое мгновение потерял ориентацию. Опытный боец мог бы этим воспользоваться. Однако опытного противника перед Омаханом не было, а ментовский майор, вместо того чтобы продолжить атаку, почувствовал боль в пальцах и отступил резким скачком, сразу разорвав дистанцию до безопасной. Сам эмир такой возможности не упустил бы.

– Первая кровь!.. – угрожающе сказал мент.

Кому и чем он угрожал, было непонятно. Но он словно предъявлял претензию эмиру и его окружению.

– Кровь пролилась, – подтвердил Омахан. – Но мы же не договаривались драться до первой крови. Мы договаривались драться до смерти...

Ноздри эмира раздувались. Он, хищник по своей натуре, почувствовал запах крови и от того возбудился. У него даже глаза покраснели, но явно не от крови мента, которая в них попала.

Пользуясь тем, что мент сам разорвал дистанцию, Омахан тоже отступил для безопасности на шаг и локтем вытер чужую кровь с лица. И несколько раз интенсивно моргнул, сгоняя капли крови в уголки глаз. Теперь эта чужая кровь Омахану не мешала, но ему, кажется, как всякой кошке, уже надоело играть с мышкой.

Все так же расслабленно и в почти прямой стойке он сделал три решительных шага в сторону майора. Мент откровенно испугался натиска эмира Омахана и попытался отмахнуться рукой с ножом. Это было слишком неосторожное движение. Инстинктивное, но не сдерживаемое и не направляемое умением и знанием тактики и техники ножевого боя. А Старший брат Сатаны, казалось, знал, что такое движение обязательно последует. И выставил вперед свою правую руку – крест-накрест с рукой мента. Чтобы столкновение рук было жестким и сильным.

В руке майора нож был впереди. И большой палец по-прежнему упирался в основание лезвия. А в руке эмира Омахана лезвие было опущено от кисти вниз по предплечью. И острие смотрело в сторону руки мента. Таким образом, получилось, что мент своим необдуманным мощным ударом сам себе руку прорубил до кисти, которая с лезвием эмира встретилась, и уже не мог держать нож с прежней силой. Но и вторая рука, про которую спрашивал майор, когда обсуждались правила поединка, тоже была прорезана. Таким образом, и левой рукой действовать он не мог. А эмиру Омахану эта схватка уже надоела. Если бы она была интересна, если бы противник хоть что-то дельное демонстрировал, Старший брат Сатаны мог бы получить от этого удовольствие, а так – он не получал ничего. И потому эмир тут же, не отходя от майора, который схватился окровавленной левой рукой за истекающую кровью правую, ударил коленом в челюсть противника, чуть-чуть выпрямляя его, – естественная реакция, как защита от повторного удара коленом. При этом движении открылось горло мента, по которому тут же и прошелся нож Старшего брата Сатаны. Майор осел.

– Отрежьте ему голову совсем, чтобы не болталась на ниточке, – распорядился эмир. – Отрежьте и выбросьте собакам. Это другим ментам в пример...

В это время позвонили на трубку одному из гази Омахана. Тот выслушал, ничего не ответил, отключился от разговора, но шепнул пару слов Исмаилову. Эмир дал команду и первым направился к выходу из села. Все бандиты, один за другим, устремились за ним.

А мальчик с трубкой, что из толпы снимал схватку ножевиков, продолжал снимать бандитские спины...

* * *

– Это мне, товарищ подполковник? – спросил я, тронув рукой бланк входящей шифротелеграммы с текстом.

– Вообще-то это мне. Но о тебе и для тебя. Я, конечно, не имею права текст тебе для прочтения предоставлять. Я могу только на словах пересказать, но наш начальник шифроргана отвернется в нужный момент и ничего не заметит. Читай, Алексей Афанасьевич... Текст большой, на двух страницах. Можешь даже присесть, чтобы не устать.

– В дороге сидеть устал, товарищ подполковник, – вежливо отказался я и начал читать стоя.

Шифротелеграмма была подписана командующим войсками спецназа ГРУ и адресована командиру батальона. Сначала я вообще не упоминался. Рассказывалось, как эмир Омахан Исмаилов, в банде которого вместе с самим эмиром официально числилось четыре человека, вдруг оброс людьми и напал на сельский райцентр в предгорьях. Кроме самого эмира и троих его гази, все остальные бандиты были в масках «ночь», из чего был сделан предположительный вывод, что эти бандиты в обыденной жизни маскируются под мирных жителей, но готовы по сигналу эмира собраться в большую банду, примерно сорок человек. Подобная система уже не раз испытывалась различными эмирами в регионе Северного Кавказа и показала свою

эффективность. Для правоохранительных органов такой способ маскировки бандитов создает дополнительные сложности.

Далее в телеграмме описывалось, как эмир Исмаилов, имеющий с уголовных времен своей юности кличку Старший брат Сатаны – за хитрость, изворотливость в сложных ситуациях и беспредельную, часто не нужную, по-настоящему сатанинскую жестокость, устроил прилюдный, по сути дела, гладиаторский бой. Только бой этот был с изначально predetermined результатом. Эмир Старший брат Сатаны устроил собственный ножовой бой с майором полиции из районного отдела МВД. Сам эмир Омахан уже много лет не может найти себе равного соперника и убивает всех, кто сойдется с ним в схватке. Так он даже оплатил проезд с Филиппин на Северный Кавказ известного тренера по филиппинскому национальному ножовому бою пекити тирсия кали. Для испытания сошелся с ним в схватке. Сам получил три резаных ранения, но гостя своего убил, так и не успев у него ничему научиться.

Комбату Василькову предлагалось разработать план по поиску, локализации, блокировке и уничтожению банды эмира Омахана Исмаилова, сформировать достаточную для выполнения плана группу и отправить ее в распоряжение сводного отряда спецназа ГРУ, который постоянно находится в регионе Северного Кавказа. Для действий против самого эмира рекомендовалось, как вариант, использовать известного армейского ножового бойца капитана Ветошкина сразу, как только он вернется из Москвы. Меня планируют отправить на Северный Кавказ! Я, в принципе, возражений не имею. Для того и служу в спецназе ГРУ, чтобы в боевых командировках участвовать. Только не мешало бы мне хотя бы пару дней отдохнуть после московской командировки.

Я положил текст шифротелеграммы на стол перед подполковником Васильковым. Капитан Слонов раскрыл журнал учета входящих шифротелеграмм, поставил в отдельной строке «галочку» и дал комбату расписаться.

– Разрешите идти, товарищ подполковник?

Васильков махнул рукой, отпуская. Слонов вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Ну, что будем делать, капитан Ветошкин? – подполковник сделал ударение на слове «капитан» и посмотрел на меня внимательно.

– А в чем проблема, товарищ подполковник?

– Первая проблема в том, что через неделю назначен банкет по обмыванию звездочек и новых должностей. Ты на банкете должен быть одним из главных действующих лиц. Но служба неделю ждать не будет, сам понимаешь. К тому же ты еще и по дополнительной звездочке на погоны не поставил. Но это не вопрос. В «военторговской» лавочке этого добра на всех хватит. А погоны можешь использовать старые. Вопрос упирается в командировку. По закону тебе полагается краткосрочный отпуск после участия в боевой операции. Хотя бы на срок, равный продолжительности самой операции, но не меньше десяти дней. А тут дела такие срочные. Во-первых, прием дел по разведроуте у майора Телегина. Во-вторых, новая боевая командировка. Решение за тобой. Если законные десять дней попросишь, чтобы в банкете участвовать, я возразить не имею права. Оформим уже сегодня. Если согласишься работать сразу, принимай дела по роте, а я загружу оперативный отдел разработкой операции...

Я не сомневался ни секунды:

– Где мне искать майора Телегина, товарищ подполковник?

– В бывшем моем кабинете. Дверь напротив. Не заблудишься...

Глава 1

По большому счету мы все, солдаты и офицеры спецназа ГРУ, – военная разведка, поскольку являемся подразделением Главного разведывательного управления Генерального Штаба. А разведрота батальона военной разведки – это разведка в разведке, то есть элита бойцов батальона. И командовать таким подразделением для офицера военной разведки и почетно, и ответственно. Майор Телегин не растолковывал мне прописные истины, которые я понимал и сам. Он просто передавал документацию, попутно что-то объясняя и рассказывая, грубо говоря, заочно представляя роту, объяснял сильные и слабые стороны офицеров и нескольких солдат контрактной службы, которых сам воспитал, сам в разведроту привел и на которых полагался ничуть не меньше, чем на основных офицеров.

– Первый человек во всей роте – старший сержант Сережа Пермитинов. Присмотрись к нему внимательнее. Обычно даже командиры взводов с ним советуются, прежде чем решение принять. На внешнее поведение внимания не обращай. Вроде бы медлительный увалень, тугодум. В действительности быстрый и реактивный человек. Особенно в момент опасности. Всегда все успевает сделать, хотя кажется, что делает медленно и долго соображает. К тому же обладает чудовищной физической силой. Рукопожатием может кисть человеку сломать. С детства к физическому труду приучен. В горах голыми руками такие камни таскал, которые на первый взгляд бульдозер не осилит. Родом из забайкальской деревни. Говорит, у них в роду все такие «рукастые». Главный недостаток – ноги. Бегают небыстро. Зато не умеет уставать. На него всегда можешь положиться. Сережа привык к тому, что самую сложную работу поручают ему. И всегда готов к ее выполнению.

Еще обрати внимание на Матвея Кораблева – есть в роте такой сапер-ефрейтор. Худосочный, нескладный, откровенно слаб в рукопашке. В марш-броске может отстать. Но человек тоже «рукастый», только по-иному, не так, как Пермитинов. Этот может своими музыкальными пальцами из мясорубки и соковыжималки сделать скорострельную авиационную пушку, и она у него будет сама летать, без самолета и пилота. Летать и стрелять. В совершенстве владеет компьютером. Матвей – сын часовщика. Отец намеревался сделать из него собственное продолжение, но сын предпочел свой путь. Используй парня. На контакт он идет с удовольствием и всему новому по-детски изумляется и радуется.

В разведроту, как сам знаешь, в первую очередь поступают все новинки вооружения. На войсковые испытания. Мой совет: еще до того, как сам начнешь испытывать, отдай любопытному Матвею. Он, может быть, до винтика все разберет, как уже много раз было, но потом соберет заново и всегда сможет что-то отремонтировать, если придется, или даже усовершенствовать. Его усовершенствования, кстати, военные конструкторы обычно принимают, хотя оформляют, естественно, как собственное. Матвей не против. Он советы дает от доброты душевной.

Еще он большой специалист по нестандартным минам-ловушкам. Это всегда может пригодиться. Тоже используй. Об офицерах я тебе рассказывать не буду. Ты сам их всех хорошо знаешь. Перейдем сразу к самому нужному – к средствам материально-технического обеспечения. Для этого отправимся на отдельный ротный склад. А вечером уже поведу тебя представлять роту. Сейчас повзводно проходят занятия. Всех собрать невозможно. Вечером, после занятий, и представлю. Васильчиков тоже хотел присутствовать. Ему это по должности полагается...

– Перейдем к материально-техническому и другому обеспечению... – со вздохом согласился я, будучи не большим любителем всяких сверок и проверок соответствия списков и фактического наличия. Как обычно бывает, чего-то будет не хватать, что придется срочно списывать актом, но без меня, что-то будет лишнее, как, например, трофейные ручные пуле-

меты, но это лишнее в документации фигурировать не должно. Обычно все боевые трофеи по мере наполнения складов подлежат уничтожению. Но любой командир взвода скажет, что два, а если есть возможность, то и три ручных пулемета в дозоре взводной колонны всегда лучше одного, положенного по штату.

Если взвод попадает в засаду, пулемет даже не расстреливает противника. Он просто поливает его сплошным потоком пуль, не позволяя никому поднять голову, чтобы прицельно стрелять по колонне. Это дает время бойцам взвода подготовиться, занять позицию в укрытии и стрелять самим на поражение. По идее, на такое должен быть способен даже один пулемет. Но один всегда справиться не может, особенно если перед ним широкий фронт обстрела. А вот три пулемета в головном дозоре всегда спасут положение. Даже два спасут, и потому третий, как правило, ставится в арьергарде, чтобы прикрывать колонну от атаки с тыла. Потому мы и предпочитаем в каждом взводе иметь максимальное количество ручных пулеметов. Хотя максимальное – это, оказывается, тоже ограниченное число, равное, как правило, трем. Причиной ограничения становится количество патронов калибра 7,62 миллиметра для пулемета. На четыре пулемета патронов уже выпрашивать не будешь – это подозрительно и может вызвать проверку.

Эту науку счета материально-технической базы подразделения я познал уже давно, и майору Телегину объяснять мне простейшее и понятное положение вещей необходимости не было. Он это знал, и мы вместе пошли на ротный склад...

* * *

Таким образом, принимая ротные дела, в первый день я пришел домой намного позже, чем приходил в Москве после целого дня работы «таксистом». Жена, как оказалось, была в курсе дела, рано меня не ждала и занималась тем, что прилаживала на парадный мундир, который я не помню уже когда в последний раз и надевал, капитанские погоны.

Я начал было объяснять, почему сразу по приезде явился так поздно, но она остановила мои объяснения жестом:

– Знаю, мне жена Телегина звонила...

По поводу нового звания и новой должности жена приготовила праздничный ужин, чему больше радовалась она сама и дочери, поскольку я никогда себя к гурманам не относил и мог питаться всем, чем кормят. Под конец ужина в соседней комнате зазвонил телефон. К трубке побежала жена, поскольку телефоном обычно она и пользовалась, общаясь с другими офицерскими женами батальона. Но в этот раз принесла трубку мне. Сообщила шепотом:

– Васильков, ваш новый комбат. Строго разговаривает...

Я взял трубку:

– Капитан Ветошкин. Слушаю, товарищ подполковник...

– Извини, Алексей Афанасьевич, что от ужина отрываю. Такие вот дела у нас...

Подполковник выдержал паузу.

– Я слушаю, Александр Васильевич.

– Мне сейчас звонил начальник финчасти бригады. Ты у нас жалованье перед отъездом в Москву за три месяца получал? – Подполковник, как многие боевые офицеры, слегка стеснялся, когда речь заходила о финансовых вопросах. В этом, наверное, и была основная разница между офицером спецназа ГРУ и каким-нибудь бизнесменом.

– Так точно. За три месяца сразу.

– Получал как командир взвода по должности и за звание старшего лейтенанта?

– Так точно.

– Но при этом командировка твоя длилась меньше недели, хотя в командировочном удостоверении тебе семь дней отметили.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Короче говоря, дело так обстоит. Тебе за неделю в тройном размере перечислили из ФСБ. Поторопился ты с работой, слишком быстро выполнил. Мог бы на три месяца растянуть, тогда получил бы девятенное жалование. Но не в том суть. У нас тебе начисляли на боевую месячную командировку. Начфин предупредил, что будет перерасчет и одновременно пересчитают на капитанское звание и на должность командира роты. Это разница большая. Но ты сейчас опять в боевую командировку собираешься. Потому на одинарную оплату пересчитают только дни, которые ты здесь будешь... В итоге ты ничего, по сути дела, не проиграешь, даже, скорее, выиграешь... Я просто сообщаю, что будет перерасчет...

– А насчет машины, товарищ подполковник, никаких сообщений не было?

– Эту покупку Москва оплачивала, причем не наши, а ФСБ. Я не могу знать, как у них расчеты ведутся. Если будет какой-то запрос, поставлю тебя в известность. Если ты в это время в командировке будешь, попрошу подождать...

– Я готов буду оплатить покупку за свой счет, если потребуют вернуть. После командировки у меня должны быть средства.

– Решено. Я так и отвечу. Тогда у меня все. Конец связи...

– Я понял, товарищ подполковник. Конец связи...

Я передал трубку жене.

– Что у вас у всех за дурацкая фраза: «Конец связи...» Заразная какая-то. Я с мамой разговариваю, разговор заканчиваю, тоже говорю ей: «Конец связи...» Мама смеется...

Я тоже засмеялся.

– Обязательная армейская формулировка. А то не успел я что-то важное сообщить или спросить, а комбат уже трубку положил. Вот, во избежание подобного, формулировку и придумали... Если я конец связи подтвердил, то вопросов у меня нет. А ты не переживай. Если ты жена офицера спецназа, ты тоже человек наполовину военный.

– И я тоже, – категорично заявила старшая дочь.

– И я, – повторила за ней младшая.

– Вот такая у меня военная семья, – засмеялся я громче всех...

* * *

Передача ротных дел заняла два дня. Она заняла бы и больше, если бы мы не торопились. Майор Телегин еще не успел до конца принять дела штаба батальона. А там дел было несравненно больше, чем в разведроты. Но в итоге уже через два дня я стал полноправным командиром своего подразделения, хотя приказ по батальону на это назначение был подписан в день моего возвращения из Москвы, а в самом ГРУ был подписан еще раньше.

Это как раз тот редкий случай, когда в Москве не утверждают приказы, отданные на местах, а на местах издают собственные приказы в подтверждение московских. При этом, кажется, никакая субординация не нарушается, поскольку в московском приказе отдельной строчкой стоит напоминание о необходимости отдать приказ и по батальону. Вот со званиями все проще. Для присвоения очередного звания требуется только приказ министра обороны. И батальона этот приказ никак не касается. В батальон присылают только выписку из этого приказа. И никакой тебе волокиты. При этом сам министр обороны едва ли слышал когда-нибудь о существовании старшего лейтенанта Ветошкина, которого он сделал капитаном.

К моменту подписания акта приема-сдачи дел разведроты оперативный отдел еще не закончил свои разработки предстоящей операции против эмира Омахана Исмаилова. Офицеры отдела просили еще пару дней. Они ожидали получения свежих разведданных из Дагестана, с ФСБ, МВД, а также антитеррористическим комитетом которого наши оперативники всегда плотно работали.

Но времени ждать окончательной наработки плана у нас не было. От нас требовали немедленных действий. И потому было решено, что уже в ближайшую ночь рота на четырех большегрузных вертолетах «Ми-26Т» вместе с бронетехникой, включающей в себя четыре БТР и три БМП, вылетает в Моздок. В Моздоке совершает посадку на аэродроме местной бригады спецназа ГРУ, откуда личный состав роты частично должен следовать своим ходом, то есть на бронетехнике, в военный городок отдельного сводного отряда спецназа ГРУ на Северном Кавказе, а вторая часть роты будет отправлена туда же из Моздока на грузовиках местной бригады.

Такая пересадка была вызвана тем, что небольшой плац военного городка сводного отряда, превращенный в вертолетную площадку, был не приспособлен для приема большегрузных военно-транспортных вертолетов «Ми-26Т». А посадка вертолетов на ближайшем гражданском аэродроме была сопряжена с большими финансовыми затратами – пришлось бы платить частным авиакомпаниям, чьи рейсы из-за нашего полета будут отложены, да и с гражданского аэродрома путь был ненамного короче.

Обычно перед командировкой я две недели с усиленной нагрузкой готовлю взвод. Чтобы так же подготовить роту, времени мне не дали. И потому моя обеспокоенность за командировку была заметной. По крайней мере, майор Телегин правильно определил мое состояние. И сразу поспешил успокоить:

– Не переживай, Леха! Я роту хорошо готовил. Не мне ехать, так тебе, какая разница. Разведрота в боевой готовности. В готовности к боям в условиях гор. Надеюсь, у тебя не будет повода обвинить меня в слабой подготовке личного состава. Лети спокойно. На солдат и офицеров положиться можешь полностью.

Спокойно лететь в консервных банках вообще трудно, в принципе. Транспортный вертолет тем и отличается, что у него легкая обшивка салона. И гремит он при каждом обороте винта со звоном консервной банки, которой играют в футбол в ураганный ветер.

Звуки двигателя напоминали именно ураганный ветер. Хотя мне ни разу в жизни не доводилось попадать в настоящий ураган, но я представлял его по звукам именно таким. Как здесь останешься спокойным? Да еще и холод в салоне основательный.

Тем не менее полет до Моздока был недолгим, а терпеть военные разведчики умеют всегда. Это одно из главных качеств каждого бойца спецназа ГРУ. Причем терпеть следует уметь все – время и боль, голод и удушье, собственную усталость и слабость. И не просто терпеть, а говорить себе при этом: «Я могу!» – и действовать по обстоятельствам. Это и означает – проявить характер.

Есть много вариантов проявления характера. В каждом солдате воспитывается понимание того, что боец спецназа – это мощная боевая единица, способная победить даже тогда, когда победить, кажется, невозможно. Мне не так давно говорил один из командиров взводов, что он в одиночку пытался преодолеть дистанцию большого марш-броска в пятьдесят километров. И понял, что это невозможно. В одиночку, как сам он решил, у него нет стимула. Со взводом он бежит и знает, что не может допустить слабость, не может устать и показать это. Он для солдат – пример для подражания. При этом командир взвода предположил, что и ни один из его солдат в одиночку преодолеть дистанцию не сможет. Когда солдат бежит в составе взвода, он видит спину впереди бегущего. Бегущий позади норовит наступить ему на пятки. Сразу возникает мысль: «Они могут! Могу и я!» И так солдаты друг друга поддерживают.

Я в ответ на откровения командира взвода рассказал недавнюю историю, когда солдат-срочник после окончания службы в спецназе ГРУ не доехал до дома и был обманом захвачен бандитами в плен. Бандиты из горного села рассчитывали получить с родителей большой выкуп. Солдат сумел убежать, голыми руками убив двух охранников. И бежал он без остановки восемьдесят километров до места, где увидел российских военнослужащих, потому что местной полиции он справедливо не доверял. И все это в отсутствие дорог, по горным склонам с

многочисленными подъемами и спусками, которые сильно усложняли путь. Солдат этот был не из нашего батальона и даже не из нашей бригады, тем не менее об этом случае было доложено по всем подразделениям спецназа ГРУ, чтобы не допустить повторения.

Меня же поразило упорство солдата. За восемьдесят километров дистанции организм может полностью обезводиться. Вода просто выкипит из тела. А это чревато смертью, поскольку наше тело на семьдесят процентов состоит из воды. Но он терпел, терпел и бежал, пока не добежал до безопасного места. И только тогда потерял сознание. За беглецом, как потом выяснилось, была устроена погоня с собаками. Но бандиты, оценив дистанцию, не поверили, что человек может убежать так далеко, и посчитали, что собаки взяли след какого-то зверя и потому сбились, увели погоню в сторону. Никто не хотел верить, что человек способен на такое. Но я поверил сразу. И даже не удивился. Солдат был воспитан в духе спецназа. Он сумел перебороть не только страх и усталость, но и собственный характер...

* * *

Считая, что грузовики придут на базу раньше, чем менее способные к быстрому передвижению боевые машины пехоты и бронетранспортеры, я принял решение занять место в кабине одного из грузовиков. Выбрал, естественно, ведущий. До места доехали быстро, еще по темноте, почти за пару часов до рассвета, хотя в оперативном отделе батальона посчитали, что мы прибудем на место точно на рассвете. Не учли настроение солдат моздокской бригады. Постарались водители грузовиков, которым выезжать в дальние маршруты приходится не часто, и солдаты скучают по рулю и дорогам и потому стараются ехать быстро.

Я такое стремление своего водителя не пресекал. Он ехал первым и задавал темп. Остальные старательно тянулись за ним, не желая отставать. Так и приехали в поселок неподалеку от Махачкалы.

Городок спецназа ГРУ найти было нетрудно хотя бы по мачте связи, что светилась красными сигнальными огнями. Да и бывал я там уже дважды. Как оказалось, мой водитель тоже уже однажды бывал там.

Дежурный по сводному отряду, не докладывая отсутствующим в городке командиру и начальнику штаба, принял нас, устроил в уже подготовленной трехэтажной казарме, где нам был выделен целый второй этаж, и не забыл поинтересоваться, когда прибудет бронетехника и остальная часть роты. Оказывается, для бронетехники тоже были подготовлены закрытые помещения, чтобы рота не выставляла часового на территории для охраны своих машин. Здесь уже был инцидент, когда часовой, охранявший три бронетранспортера своей группы, стрелял по офицеру другого подразделения, который ночью гулял по городку. Офицеру не спалось, он взял плеер, включил музыку и пошел на прогулку, а из-за наушников не слышал окрики часового.

Разместив своих солдат, я вышел к грузовикам. Водители просились в обратную дорогу, но я обещал зампотеху моздокской бригады, что грузовики назад отправлю только одной колонной вместе с боевыми машинами пехоты и бронетранспортерами, которые были выделены нам для переезда вместе с нашей родной бронетехникой. Так было безопаснее передвигаться в горах, хотя автоматические пушки БМП и пулеметы БТРов и были не заряжены. И потому, дождавшись свою вторую колонну, я сразу отпустил «моздокцев» в обратный путь, возложил на командиров взводов устройство солдат, а сам, услышав от дежурного офицера, что прибыл начальник штаба, отправился с докладом в штаб.

Поскольку я уже дважды входил со своим взводом в состав сводного отряда, показывать мне, где находится штаб, необходимости не было. Правда, дежурный предупредил, что кабинет начальника штаба переехал. Но это частое явление. Каждый начальник штаба пытается устроиться так, как ему удобнее работать. Начальником штаба в этот раз был незнакомый мне капи-

тан Толстых, который сразу поинтересовался, хорошо ли подготовлено место для временного проживания разведроты. Я поблагодарил, хотя в тонкости быта еще не вникал, и, оставляя за собой право на претензии, предупредил его об этом.

Доложив по форме о прибытии, я передал начальнику штаба всю документацию на роту, вещевые и продовольственные аттестаты, поименный список личного состава и список вооружения.

– Полный список вооружения не требуется, – с пониманием сказал капитан Толстых. Сам спецназовец, он понимал, что каждый взвод имеет что-то дополнительное, что помогает ему воевать, но при этом, как и все нужные трофеи, не афишируется. Сюда входят, как правило, помимо пулеметов, противопехотные мины «МОН-100» и «МОН-200» и мины-ловушки «МС-4», которые наши саперы ставят под бандитские мины. Бандиты мины берегут. Если надобность в одном месте отпала, а мина оказалась не активированной, ее снимают и ставят в другое место. И в момент обезвреживания своей мины сапер бандитов взрывается. «МС-4» – удобная штука с широким спектром применения. И часто используется в таких операциях.

– Теперь, капитан Ветошкин, загляни в оперативный отдел. Там офицеры должны были всю ночь сидеть, разрабатывать для твоей роты план операции.

– Наш батальонный оперативный отдел тоже план разрабатывал, – сообщил я. – Выбор рабочего плана за мной? Или будет отдельный приказ?

– Мы план ваших оперативников получили и изучили, хотя он и не завершен – не разработан в важных мелочах. И свой разрабатывали на его основе, в соответствии со знаниями местных условий. Зайди в оперативный отдел. Там все тебе объяснят. Есть некоторые тонкости, которые мы через Интернет передавать не решились. Интернет может контролироваться определенными силами, которым это знать не полагается. Наша система безопасности уже несколько раз выдавала предупреждения о попытке взлома нашей отрядной сети. Знаешь, где оперативный отдел сидит?

– Раньше был этажом выше...

– И сейчас там же. Просят еще один кабинет, но два кабинета рядом у нас есть только на четвертом этаже. Может, скоро туда их загоним. Иди, я позвоню, чтобы тебя встретили...

Я поднялся по лестнице на один этаж и не успел постучать в дверь кабинета, на которой была табличка с указанием, как дверь открылась. Какой-то капитан хотел, видимо, меня встретить в коридоре и сейчас просто гостеприимно показал рукой внутрь:

– Прошу...

Когда так вежливо просят, отказываться грех, тем более что причин для отказа у меня не было – я же именно сюда и шел. В кабинете находилось еще три капитана, каждый из которых пожал мне руку и представился.

Тот из офицеров, что открыл мне дверь, капитан Костя Константинов, сел за компьютер, чуть-чуть повернул монитор в сторону от себя, как я понял, для того, чтобы я сел с ним рядом. Я сразу все понял и сел.

Капитан вставил в дисковод компакт-диск...

Глава 2

Изображение на мониторе было неважного качества. Это и сам капитан-оперативник понимал и потому объяснил:

– Съемку вел на китайскую трубку мальчик из местных. Камера на трубке слабая. Спецы из республиканского ФСБ, как смогли, улучшили изображение, но это все, что удалось. При укрупнении растут пиксели. Смогли сделать улучшение за счет частичной мультипликации, но это не страшно. Само действие не изменено. Если есть желание, можно сделать экран чуть-чуть поменьше. Здесь записана ножевая схватка, которую устроил эмир Омахан в селе. Это запись для тебя. Она сдублирована на флешку, чтобы можно было на смартфоне посмотреть. Переходник есть, чтобы USB на мини-USB переключить?

– Нет.

– Выделю. Только с возвратом. Это личный переходник, чтобы флешки на трубке просматривать. Короче говоря, сейчас нам важно следующее. Обрати внимание на общие планы. Все бандиты в масках «ночь». Почему? Как думаешь? – Костя спрашивал настойчиво, почти настырно, требуя мгновенного ответа. Мне ответить было, впрочем, несложно, поскольку предположение уже было высказано командующим войсками ГРУ в шифротелеграмме:

– Они постоянно живут среди мирных жителей. В банду уходят только по команде. Это уже опробованная бандитами тактика. Применяется во многих районах Кавказа. Началось все с попытки захватить Нальчик. Помнишь? Не было в округе ни одной крупной банды, и вдруг сразу несколько сот человек набралось. Откуда пришли? Из окрестных домов. Своего часа дожидались.

– Вот-вот. Мы совместно с ФСБ к расследованию подключились, хотя это и не наша функция. Но для разработки операции требовались данные. Ездили по селам в округе, проводили показы и опросы, не узнает ли кто. В основном в опросах участвовали представители власти и полиции. Простых жителей на разговор «раскрутить» сложно. Боятся. Никто не знает, куда и к кому банда пожалует в следующий раз. Какое село выберет. Кого пожелают подпалить, кого расстрелять, а кого зарезать.

Но нам ментов и представителей власти хватило. Таким образом, было опознано шесть человек. Двое – из одного села. Местный полицейский знает обоих еще по школе, говорит, что они были одно время закадычными друзьями, но когда вернулись, как сами говорят, «с заработков», один из Москвы, второй из Екатеринбурга, стали только издали здороваться, но даже близко друг к другу не подходят.

Подозревали, что они были не на заработках, а в банде. Допрашивали. Тот, что был в Москве, саму Москву совершенно не знает, работал в бригаде с узбеками и молдаванами в Московской области, строил кому-то дом. Но хозяин их всех сильно обманул. Когда дом был готов, он взял и умер. И расплачиваться стало некому.

Второй Екатеринбург как город вроде бы немного знает. Знает местных парней – своих земляков, которые давно уже там осели и занимаются криминальным бизнесом. Но он тоже без денег вернулся. Говорит, жил там у женщины, у которой от него скоро будет ребенок. Все деньги оставил ей. Имя женщины и адрес называть не захотел. Зачем, дескать, женщину позорить и зачем его перед ней позорить.

Факт остается фактом – друг с другом они не общаются. Если один стоит в магазине в очереди, второй заглянет и сразу уходит. Очень старательно демонстрируют, что их ничто не связывает. Настолько старательно, что в это верить не хочется. А теперь вот их узнали по фигуре, по походке, по жестикуляции, хотя ни один суд таких данных не примет. Но мы это обязаны иметь в виду. Трое других – из разных сел. Один из райцентра, на который и было совершено нападение. Он особенно старался в уничтожении полицейских. Причем, как гово-

рят, приводил других бандитов к их домам, где уничтожались целые семьи, вместе со стариками, старухами и детьми. Это обычная практика Старшего брата Сатаны – убийства целых семей.

– Надеюсь, парней, которых опознали, пока не тронули?

– Обижаешь... Их пригласили в ресторан, пообедали с ними. Наш командир сводного отряда лично пообедал. И даже начальника штаба не пригласил. Бандиты расчувствовались, тем не менее ничего не сказали.

Такой язык я тоже понимаю и потому ничего не возразил.

– Продолжай...

– Теперь о наших планах. План, разработанный в оперативном отделе вашего батальона, в принципе пригоден. И годится на завершающий этап операции. Хотя нам всем кажется, что там присутствует слишком большой и неоправданный риск. Ты уверен, капитан, что сможешь справиться со Старшим братом Сатаны?

– Постараюсь. Я еще не видел запись его схватки. Когда посмотрю, смогу составить мнение, насколько он серьезный боец и что я смогу с ним сделать. Или он со мной... Можешь не сомневаться, капитан Костя, – сказал я, положив руку оперативнику на плечо и заглянув в глаза, – что я мечтаю вырастить хорошими людьми двух своих дочерей, выдать их замуж и растить тоже хорошими людьми своих внуков. А это значит, что я откажусь от ножевого боя со Старшим братом Сатаны, если увижу, что не смогу с ним справиться в поединке. Я отлично понимаю, что я просто хороший боец, но не непобедимый. Непобедимых бойцов, кстати, вообще не бывает.

– Ты, капитан, мне просто бальзам на душу льешь, – скривился Костя Константинов. – А то я уж думал, что с нас опять на похороны офицера будут деньги собирать.

– А кто-то погиб? – спросил я, зная, что гибель офицера в спецназе ГРУ всегда считается чрезвычайным происшествием, и случается такое крайне редко. Кажется, со времен первой чеченской войны такое случалось только несколько раз, с тех пор как в «перестройку», по личной подаче главы ЦК КПСС, сначала разогнали лучших офицеров спецназа, как отработанный материал, как ненужный мусор – просто выбросили на помойку истории. Но потом, когда воевать стало некому, а в Чечне хрен знает что творилось, памятуя успех спецназа ГРУ в Афганистане, набрали срочным порядком новые подразделения из танкистов и мотопехотинцев, назвали «спецназом» и послали в бой с одним названием вместо подготовки.

Тогда погибли многие. Но само понятие спецназа выжило благодаря остаткам спецназа прежнего. И сейчас те времена вспоминаются с горечью. Но они прошли, спецназ ГРУ снова на высоте. В нынешние времена гибель солдата или офицера спецназа военной разведки считается чрезвычайным происшествием, и об этом циркулярно сообщается всем частям и подразделениям спецназа ГРУ, изучаются материалы, чтобы не допустить подобного в будущем. Я, конечно, за время краткосрочной командировки в Москву мог пропустить такое, хотя мне тоже должны были сообщить и ознакомить с материалами перед отправкой в новую командировку. И потому я весьма удивился прозвучавшему слову «опять».

– Нет, слава богу, – сказал Константинов. – Собирали на похороны и поминки офицеру, который от рака умер. Военному пенсионеру, первому командиру сводного отряда. Умер он дома, а собирали здесь, где он служил, когда у нас еще своего городка даже не было.

– Понятно. Мы всей ротой к тому моменту опоздали, а новый момент я обещаю не создавать. Слушаю тебя, капитан, дальше.

– Дальше – сам соображай, что можно предпринять и как предпринять, чтобы собрать снова всю банду, заставить ее в строго определенное время напасть на то же самое село, но при этом следует заранее вывезти оттуда всех ответственных людей, кого бандиты не сумели уничтожить в первое посещение.

Если другое село брать, там мирные жители пострадают. Новые мирные жители. А в этом селе не пострадали только те, кого найти не смогли. Нет, пострадали. Дома у них сгорели. Старший брат Сатаны уничтожил пожарную охрану, после чего поджег село. Много домов сгорело. Хорошо, ветра не было, а то и остальные дома сжег бы. А потом, когда к селу выступили федеральные силы, эмир Омахан моментально увел свою банду в горы. Там рассредоточился, бандиты разошлись по своим домам. Снова спрятались. Некоторые, наверное, даже на работу ходят, хотя на всех в округе работы не хватает. Безработица на местах массовая. Особенно среди молодежи. А молодежь здесь сам знаешь какая. Все с амбициями, все хотят стать героями. А на всем Большом Кавказе, так издавна повелось, главными героями всегда считались абреки⁴. Абрек – почетная здесь профессия. Но своих грабить – сложно. И узнать могут, и украсть у большинства нечего. Потому абреки и подаются в Россию.

– Спасибо за лекцию, капитан Костя, – сказал я. – Только это все мне давно известно. И я бы предпочел вести разговор не в общем, а конкретно. Нарботки по выманиванию Старшего брата Сатаны из логова какие-то существуют? Есть какие-то данные о том, где это логово расположено? Может, есть смысл запустить массовый беспилотный поиск?

– Это один из самых разрабатываемых вариантов, – кивнул оперативник. – На одном варианте мы никогда не пробуем. Мы прикинули возможности местных сил ФСБ, МВД и даже запросили техническую помощь погранвойск. Общими усилиями мы сумеем обеспечить себя флотом в сорок четыре беспилотника. Причем использовать предполагалось беспилотники разных типов, и самолетного, и вертолетного, и даже бомбардировщики, которые прибыли к нам на испытания. Вместо бомбовых прицелов можем установить на них камеры наблюдения. Есть специалисты, которые это сделают, есть операторы, которые будут работать с беспилотниками. Нет главного – района, где искать Исмаилова. Обшаривать подряд все горы – себе дороже. Потеряем столько времени и не найдем, что нужно. А если эмир Омахан вообще в пещере сидит? Пролетит над ним беспилотник, спугнет только, а обнаружить не сможет... Этот вариант мы держим про запас на самый крайний случай. И разрабатываем другие... Готов выслушать, что мы предлагаем? А ты потом уже будешь сам выбирать, что тебе удобнее.

– Для того в ваш кабинет и пришел, чтобы выслушать.

– Тогда слушай...

* * *

После обсуждения нескольких вариантов, так ни на чем и не остановившись, я обменялся с офицерами оперативного отдела телефонными номерами и ушел. То есть я спросил не номер каждого из них, а только номер отдела и номер персонально капитана Константинова, который мне дверь открывал. Он оказался старшим в группе. Ему же дал номер своего смартфона.

В казарму к своей роте я вернулся, когда уже действительно рассвело. Согласно расчетам оперативного отдела штаба нашего батальона, разведрота должна была только-только прибыть в расположение сводного отряда. Значит, у нас имелся выигрыш около двух часов. Только я пока не знал, с кем мы будем играть и как запас времени использовать. И даже не знал, в какую игру. И потому разрешил командирам взводов после ночной дороги не поднимать солдат – пусть отдохнут. Сам закрылся в ротной канцелярии, маленькой комнатушке, отделенной только перегородкой от комнаты каптера, то есть, грубо говоря, от складского помещения.

Но меня такое соседство не пугало. Я никому не мешал, никто не мешал мне. Главное, здесь был один-единственный, но настоящий письменный стол. Я вытащил свой смартфон, без труда соединил его через переходник с флешкой и стал смотреть на смартфоне видеофильм,

⁴ Абрек – бандит, разбойник, грабитель.

начало которого уже просмотрел на мониторе компьютера в оперативном отделе штаба сводного отряда спецназа ГРУ.

Признаться, этот ножевой бой мог бы заинтересовать меня только в том случае, если бы у Старшего брата Сатаны был достойный соперник. Пока же я видел только одностороннее неоспоримое преимущество, как у кошки во время игры с мышкой. Эмир мог закончить эту игру в любую минуту, то есть тогда, когда это ему надоест.

Единственное, что я сумел отметить для себя, как очевидную крупную ошибку Омахана Исмаилова, это его фиксацию некоторых движений. Сначала он зафиксировал руку, когда подставлял нож под удар с левой руки в лицо, не бил навстречу, а фиксировал в определенном месте, потом, уже в завершение схватки, он предельно жестко зафиксировал всю свою руку, когда подставил ее вместе с ножом под удар ментовского майора.

Подобная фиксация, на мой взгляд, чревата большими неприятностями. Если заранее знать об этой склонности, можно было бы, особенно во втором случае, подправить направление движения своей руки, изменив траекторию, по которой проходит лезвие, и располосовать эмиру руку с ножом так, что он уже не смог бы держать в ней оружие.

Ради понимания таких моментов и делаются видеопросмотры боев соперников. К сожалению, в моем распоряжении был только один видеосюжет. Если бы существовали другие, уверен, мне предложили бы их в оперативном отделе сводного отряда. Да и сами офицеры оперативного отдела догадались бы сделать запрос в ФСБ республики по поводу видеоматериалов. Предполагаю даже, такой запрос был сделан. И ответ был отрицательным. Или пока был отрицательным.

По тем материалам, что были на Старшего брата Сатаны, было видно, что первичные навыки ножевого боя он приобрел, находясь на «зоне». Мне захотелось пообщаться с каким-нибудь уголовным специалистом-«ножевиком», и я сказал об этом офицерам оперативного отдела.

Капитан Костя Константинов обещал поискать. Не пообещал «доставить», а только поискать. При этом я понимаю, насколько трудную задачу я ему задал. Сейчас такие специалисты уже практически перевелись. Я однажды разговаривал со спецназовцем ФСИН⁵. И он высказал мнение, что уголовный мир изменился на семьдесят процентов. Вернее, на семьдесят процентов изменились люди, отбывающие наказание на «зонах».

Раньше большинство находящихся там составляли «бакланы»⁶, после них самая многочисленная среда – профессиональные уголовники разного профиля. Сейчас количество «бакланов» осталось прежним, хотя народ «распоясался», но реальные сроки хулиганы получают редко, а вот количество профессиональных уголовников уменьшилось втрое. Но выросло количество непонятных полуинтеллигентных типов, взяточников и казнокрадов, умеющих красиво говорить.

При таком раскладе среди уменьшившегося уголовного контингента найти специалиста по «поножовщине», наверное, очень трудно. Тем более мне требовался не тот, кто пятерых спяну зарезал, а тот, кто умеет с ножом общаться профессионально. Такие всегда были редкостью, а сейчас, когда все бандиты предпочитают пистолет, «ножевики», скорее всего, перевелись вообще.

Досмотрев до конца видеозапись на флешке, я перебрал ее к себе на смартфон, благо места свободного на диске было в избытке, и отослал с одним из дневальных переходник капитану Константинову. Тот позвонил мне через десять минут:

– Алексей, ты не спишь?

⁵ ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний. ФСИН имеет собственный спецназ, в основную задачу которого входит подавление бунтов в тюрьмах и других местах лишения свободы.

⁶ «Баклан» – осужденный за хулиганство.

– Я и не ложился. В дороге имел возможность выспаться. Меня в машине, если не сам за рулем, всегда в сон клонит. Особенно почему-то в грузовике, – соврал я, не желая объяснять оперативнику, что после разговоров о Старшем брате Сатаны нахожусь в некотором возбуждении, которое не способствует сну. И даже если лягу, едва ли смогу сразу заснуть. А мое тело так привыкло, что, если я нахожусь в лежачем положении больше обычных четырех часов, оно устает, и потом болят все мышцы. Объяснять это было бы и долго, и не нужно. Кому интересно мое возбуждение?

– Это хорошо. Мне принесли переходник вместе с флешкой. Спасибо.

– Тебе спасибо.

– Это моя работа. Еще что у меня... Я запросил ФСБ относительно спеца по уголовному ножевому бою. Объяснил, что это необходимо для операции против Старшего брата Сатаны. Иначе они не стали бы шевелиться. Мне пообещали поискать. Есть в Каспийске один старый уголовник, уже давно вышедший на пенсию, то есть «завязавший». Его попробуют найти. В современных «зонах», как мне сказали в республиканском управлении ФСИН, искать бесполезно. Тех, кто ножом махал и кого-то порезал или зарезал насмерть, полным полно. Но бойцов с умением правильно держать нож не найти. Они в уголовной среде перевелись. Вымерли, как динозавры. Есть еще на примете в ФСБ один цыган, специалист по отдельному направлению – цыганскому ножевому бою. Если нужно, его привлекут.

– Не нужно цыгана, – отказался я. – Цыганский стиль я изучал. Он от классического отличается только тем, что в нем предпочтение отдается ржавым ножам, после которых даже легкие раны начинают гноиться. Человек страдает сразу после схватки. Мне это не интересно. Я считаю этот стиль подлюстью. А вот опытный бывший уголовник – с этим я с удовольствием пообщаюсь. Когда что-то конкретное обещали сказать?

– Сегодня в течение дня его будут искать. Он может жить с женой на даче. Они туда прячутся от жены сына, которая пытается выселить их из квартиры. Такая вот история. Тогда придется на дачу ехать. Телефона там нет, мобильного человека не имеет. Как только что-то выяснится, я позвоню, – пообещал Константин.

– Хорошо. Я буду ждать звонка, – пообещал в ответ я.

Дело, как мне показалось, сдвинулось с мертвой точки, начинается движение по инерции. А инерция всегда куда-нибудь да выводит, что-то да показывает.

С пониманием этого я уже мог себе позволить лечь спать. Что и сделал прямо там, в канцелярии, где мне и было отведено спальное место. Правда, даже стандартная кровать здесь, в узком пространстве, занимала бы слишком много места. И потому солдатскими руками были сколочены нары, которые оказались слегка уже, чем кровать, и позволяли пройти между крайней доской и стеной. Я всегда был неприхотливым, мог спать просто на двух положенных рядом досках и вполне удовлетворился этим...

* * *

Разбудил меня не телефонный звонок, а короткий стук в дверь. Очень аккуратный стук, больше похожий на кошачье поскребывание.

– Кто там? – спросил я.

– Можно к вам, товарищ капитан? – раздался тихий голос.

– Минутку... – Я посмотрел на часы. Спал я, оказывается, уже два с половиной часа, за которые полноценно выспаться было сложно. Но одеться мне было недолго. Короткий сон мне практически не помешал и не создал в голове тумана, как бывает после чрезмерно продолжительного сна. После короткого сна из головы не успевают выветриться те мысли, что были там раньше.

Одевшись, я открыл дверь. За порогом стоял ефрейтор Кораблев и прятал что-то за спину.

– Что тебе, Матвей? – спросил я, стараясь говорить как можно мягче.

– Да вот, придумал я как-то не так давно одну штуку... – Матвей замялся. – Вернее, не придумал, а прочитал в Интернете, но там без всяких чертежей было, я только мысль уловил, а все остальное по аналогии придумал. И свое кое-что добавил. Это было еще в прошлую командировку сюда. Здесь, в гаражных мастерских, есть механик хороший, я с ним поговорил. Сейчас вот приехали, я его навестил, он мне и отдал, что для меня сделал, как я в прошлый раз просил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.